

*Посвящается Камрану
Я люблю тебя*

Они стремительно соскользнули в близость, от которой так и не выздоровели.

Ф. Скотт Фицджеральд
«По эту сторону рая»

На свете нет ничего нового за исключением истории, которую вы не знаете.

Гарри Трумэн

Часть первая

– 1 –

2013

Пансионат

— Я позвонила и договорилась, что приеду. Она сказала это так, словно речь шла о визите к стоматологу или терапевту или о встрече с настырным продавцом, который обещал ей с Уолтером пожизненную гарантию на охлажденное молоко, свежие овощи и незаветрившийся сыр, если они купят эту новейшую марку холодильника.

Уолтер вытирал посуду, не отрывая взгляда от кухонного полотенца, от нарисованного на нем желтенького цыпленка под зонтиком. Он не спорил. Любовь Уолтера Арчера к логике, его умение руководствоваться здравым смыслом были для Ройи подтверждением ее собственного здравого смысла. Ведь недаром она стала женой разумного и — боже! — невероятно чуткого и внимательного мужчины. И не вышла замуж за того мальчишку, с которым встречалась так много десятков лет назад в небольшом магазине канцелярских принадлежностей в Тегеране. Вместо этого жизнь привела ее к этому столпу стабильности, рожденному в Массачусетсе. К Уолтеру, который почти каждый день ел на завтрак сваренное вкрутую яйцо.

– 9 –

— Если хочешь повидаться с ним, не откладывай и поезжай, — сказал он, вытирая ложки. — А то ты в последние дни чуточку нервничала.

Теперь Ройя Арчер стала почти американкой, и не только благодаря замужеству, но и потому, что прожила в Соединенных Штатах больше полувека. В ее памяти осталось детство, прошедшее на жарких и пыльных улицах Тегерана, игра в салки с младшей сестренкой Зари, но теперь ее жизнь ограничивалась Новой Англией.

Жизнь с Уолтером.

Но неделю назад она зашла в один магазинчик — купить канцелярские скрепки! — и размеренный уклад ее жизни дал трещину. Она снова перенеслась в тревожное лето 1953 года, в центр иранской столицы, в фойе кинотеатра «Метрополь». Вот круглый красный диван, над ним крупными хрустальными слезами сверкала люстра, плавал синеватыми струйками дым сигарет. Парень взял ее за руку и повел вверх по лестнице в кинозал, где на экране ласкали друг друга кинозвезды с иностранными именами. После фильма он провожал ее домой. Сгущались летние сумерки, всюду цвел жасмин, по лавандовому небу тянулись полосы самых немислимых оттенков розового и красного. Возле одного из жасминовых кустов он сделал ей предложение. Его голос дрогнул, когда он произнес ее имя. После этого они обменивались бесчисленными любовными посланиями, строили планы на будущее. Но ничего не получилось. Жизнь лишила их всего, разрушила все их планы.

Ничего не поделаешь.

Мать Ройи всегда повторяла, что наша судьба при рождении начертана у нас на лбу невидимыми чернилами. Никто ее не видит и не может прочесть, но она

там, и течение жизни следует той судьбе, как бы мы ни пытались обмануть ее.

Десятки лет Ройя прогоняла мысли о нем. Ей нужно было как-то налаживать свою жизнь в чужой стране. Замужество, Уолтер. Заботы о ребенке. Парень из Тегерана оказался где-то на периферии памяти, словно старая ненужная тряпка на дне ведра, а потом и вовсе был почти забыт.

Но теперь она наконец-то могла спросить его, почему в тот день он не встретился с ней в центре площади, ведь она ждала его там.

* * *

Уолтер умело маневрировал на скользких участках дороги, узкой из-за сугробов. Когда они резко остановились, Ройя не смогла открыть дверь машины. Видно, во время долгой поездки ее заклинило.

Он обошел капот и открыл дверцу, потому что он — Уолтер, потому что его так воспитала мать (Элис: добрая, милая, пахнувшая картофельным салатом); она научила его, как нужно обращаться с леди. Теперь ему было семьдесят семь лет и он не мог понять, почему молодые люди не берегут своих жен как зеницу ока, как хрупкое стекло. Он помог Ройе выйти из машины и поправил на ее шее вязаный шарф, чтобы он защищал от ветра ее нос и губы. Вместе они пересекли парковку, поднялись по ступенькам серого здания и вошли в Дакстонский пансионат.

В вестибюле их встретил поток перегретого воздуха. За столом регистратора сидела молодая женщина лет тридцати с пластиковым бейджиком на груди, на котором значилось «Клэр». За ее спиной на доске

объявлений листки с энтузиазмом и восклицательными знаками сообщали: «Вечернее кино!» и «Ланч побаварски!», хотя края их загнулись от времени, хотя одни немощные обитатели пансионата кое-как передвигались в инвалидных креслах по линолеуму, а другие осторожно, чтобы не потерять равновесия, толкали перед собой ходунки.

— Здравствуйте! Вы приехали на пятничный ланч? Решили присоединиться к нам сегодня? — громко спросила Клэр.

Уолтер раскрыл рот и хотел что-то сказать.

— Нет-нет, — опередила его Ройя. — Мой муж решил попробовать в «Дэндилайн-Дели» знаменитый ролл из имитации лобстера. Я увидела рекламу в «Визге». Так редко встретишь лобстеры в середине зимы, правда? Даже их имитацию. — Она несла чепуху, изо всех сил стараясь не нервничать. — Он получил пять звезд.

— Тот «Дели»? — удивилась администраторша.

— Нет, ролл из лобстера, — пробормотала Ройя.

Уолтер вздохнул и поднял кверху пять пальцев, намекая Клэр, что его жена верит в пять звезд.

— О, я поняла! Лобстер! — Клэр кивнула. Она проносила «лобста». — Что ж, этим обзорам в «Визге» приходится верить!

— Ну, ступай, — ласково сказала Ройя мужу. Она встала на цыпочки и поцеловала Уолтера в свежесбритую щеку, морщинистую, пахнущую мылом «Айриш спринг». Хотела заверить его, что все в порядке.

— Совершенно верно. — Уолтер кивнул. — Вы все понимаете. Ну, я поехал. — Но он даже не пошевелился.

Она нежно сжала его руку, как делала это десятки лет.

— Посмотрите, чтобы она не слишком разволновалась, — попросил он наконец Клэр. В его голосе слышалось беспокойство.

Волна холодного воздуха ворвалась в холл, когда Уолтер вышел из здания и спустился на ледяную парковку.

Ройя стояла возле стола, чувствуя неловкость. Внезапно ее неприятно поразил запах аммиака и чего-то вроде говяжьего рагу. Наверняка говядины с луком. Жара, компенсирующая мороз Новой Англии, делала запах невыносимым. Ройе даже не верилось, что она действительно приехала сюда. Радиаторы шипели, инвалидные кресла скрипели, и внезапно все стало казаться ужасной ошибкой.

— Чем я могу вам помочь? — спросила Клэр. У нее на шее висел золотой крестик. Она смотрела на Ройю со странным выражением лица, словно знала ее.

— Я звонила сюда и договорилась о встрече, — сказала Ройя. — С одним из ваших пациентов.

— А-а, вы имеете в виду одного из постояльцев. И кто же это?

— Мистер Бахман Аслан. — Слова медленно слетели с губ, словно колечки дыма, зримые и реальные. Столько лет она не произносила вслух его полного имени.

Крестик на шее Клэр блеснул под флуоресцентным светом. Вероятно, Уолтер уже дошел до автостоянки.

Клэр встала и вышла из-за стола к Ройе. Ласково взяла ее за руки.

— Как мне приятно наконец-то познакомиться с вами, миссис Арчер. Я — Клэр Беккер, помощница администратора. Спасибо, что приехали. Я так много слышала о вас. Мне очень важно, что вы здесь.

Значит, она не простая сотрудница, а администратор. Откуда Клэр Беккер известна фамилия Ройи? Должно быть, из журнала посещений. Но почему эта молодая женщина вела себя так, словно знала ее? И каким образом она могла много слышать о Ройе?

— Проходите, пожалуйста,— мягко сказала Клэр. — Сейчас я отведу вас к нему. — На этот раз она не добавила неперменного восклицательного знака, который скрашивал здешнюю бедность.

Ройя пошла за Клэр по коридору и попала в просторный холл с длинным столом и пластиковыми стульями вокруг него. Но за столом никто не сидел, не играл в бинго и не сплетничал.

Клэр показала на дальний конец холла.

— Он ждал вас.

У окна в инвалидном кресле сидел мужчина. Спиной к ним, и Ройя не видела его лица. Клэр направилась было к нему, но остановилась, теребя бусы. Она наклонила голову и смерила Ройю взглядом с головы до ног, словно измеряя ее потенциал драматизма и безопасности.

— Вам принести что-нибудь? Воду? Чай? Кофе?

— О, все в порядке. Спасибо.

— Вы уверены?

— Вы очень любезны. Но нет, ничего не надо.

Теперь медлила Клэр. Боже, никто не хотел оставлять Ройю наедине с этим... постояльцем. Ради всего святого! Как будто она, маленькая семидесятилетняя женщина, обладала какой-то властью над ним и над кем-либо еще. Как будто она, Ройя Арчер, могла сжечь этот пансионат своим присутствием, взорвать его тем, что явилась сюда.

— Все в порядке,— сказала она. Она научилась так говорить у американцев. *Все в порядке, все хорошо, все окей, оки-доки.* Немудреные американизмы. Она владела си-

туацией. Ее сердце тревожно стучало, но она спокойно взглянула на Клэр.

Та наклонила голову, повернулась и наконец-то вышла. Удалявшееся цоканье ее каблуков перекликалось с громким стуком сердца Ройи.

Она все еще могла повернуться и уйти следом за Клэр, сбежать из этого неприятно пахнувшего места, отыскать Уолтера, прежде чем он закончит ланч, уехать домой, лечь в постель и сделать вид, что никогда не совершала этой странной ошибки. Еще не поздно. Она представила себе, как Уолтер одиноко сидит, сторбившись, над кружкой имбирного пива и роллом из лобстера — бедный... Но нет. Она приехала сюда, чтобы наконец все выяснить.

Ее ноги отяжелели и словно приросли к полу. Но она заставила себя пройти несколько шагов к окну, к инвалидному креслу. Ее каблуки не стучали, на ногах были удобные серые туфли на толстой подошве. Уолтер настаивал, чтобы она надела теплые эскимосские сапожки, но она отказалась. Она была готова смириться с чем угодно, но впервые за шестьдесят лет встретиться со старой любовью в матерчатых сапогах на меху она никак не могла.

Мужчина, казалось, не замечал ее присутствия.

— Я ждал, — внезапно проговорил голос на фарси, и сердце Ройи забилося еще сильнее. Этот голос очаровывал и успокаивал ее когда-то давно, когда они были неразлучными.

Неожиданно Новая Англия растаяла вместе с ее морозом и невыносимой жарой в пансионате.

...Это было в 1953 году. Летом. Ей исполнилось семнадцать. Они стояли с Бахманом возле баррикад и кричали во всю глотку. Толпа прибывала, солнце жгло голову, две длинных косы падали ей на грудь, круглый